

УДК 008

В.Г. ТОРОСЯН

**КУЛЬТУРА КАК ОСНОВА
ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИИ**

Торосян Вардан Григорьевич, доктор философских наук, профессор кафедры истории, культурологии и музееведения Краснодарского государственного института культуры (Краснодар, ул. 40 лет Победы, 33), torosyan5@mail.ru

Аннотация. В затянувшейся переоценке ценностей, происходящей в России в условиях сложной мировой обстановки, вновь осознается значение культуры как национального достояния, гарантии государственного суверенитета. Культура как мягкая сила может стать ядром не только национальной идеи, но и цивилизационного проекта для охваченного насилием и запутавшегося в противоречиях мира.

Ключевые слова: переоценка ценностей, культура, национальная идея, цивилизационный потенциал.

UDC 008

V.G. TOROSYAN

CULTURE AS THE BASIS OF THE CIVILIZATIONAL POTENTIAL OF RUSSIA

Torosyan Vardan Grigoryevich, PhD (philosophy), professor of the cathedra of history, culturology and museum studies of the Krasnodar state institute of culture (Krasnodar, 40 let Pobedy, 33), torosyan5@mail.ru

Abstract. In the protracted reassessment of values that is taking place in Russia under the conditions of a complex world situation, the importance of culture as a national asset, guarantee of state sovereignty, is again realized. Culture as a soft power can become the core of not only a national idea, but also a civilizational project for a world engulfed in violence and entangled in contradictions.

Keywords: revaluation of values, culture, national idea, civilizational potential.

Мыслители разных времен и народов предполагали некую цивилизационную миссию России. Из зарубежных это прежде всего К. Маркс и М. Вебер, из отечественных П.Я. Чаадаев. Наиболее ярко и образно надежды и тревоги России он выразил в своем известном первом «Философическом письме». Весьма критически оценив современную ему Россию как не принадлежащую ни к Востоку, ни к Западу и без внутреннего прогресса, поскольку прежние идеи вытесняются новыми, не вырастая из них, он заключил: «Словом... мы живем лишь для того, чтобы преподать какой-то великий урок отдаленным потомкам». Объявленный сумасшедшим и объясняя, что подлинный патриотизм требует ясного взгляда на свою Родину, он высказал и не менее актуальную сегодня мысль: «У меня есть глубокое убеждение, что мы призваны решить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество» [1].

Наиболее масштабной, всколыхнувшей весь мир попыткой оказалась Октябрьская революция 1917 г., столетие которой было отмечено с разных, даже полярных позиций, которые пытаются примирить новые учебники истории. Очевидно, что это был поучительный урок всему человечеству, не захотевшему продолжить цепь мировых революций.

Сегодня, в начале уже XXI века, Россия находится в не менее сложной геополитической ситуации – в мире еще более непредсказуемом и опасном. В условиях все новых вызовов особенно актуально осветить связь между ее прошлым, настоящим и будущим. Неслучайно самые различные исследователи сегодня обращаются и к истории России, и к мыслителям, особенно проницательно улавливавшим ее уроки [1, 2, 3].

Думается, однако, что в современных исследованиях перспектив России недостаточно оцененной остается роль культуры.

Особенно неопределенной судьба России выглядела в 90-е гг. прошлого века. Именно тогда американский политолог Френсис Фукуяма в своей известной работе «Конец истории» утверждал, что переход к однополярному миру после крушения Советского Союза означает «не просто конец холодной войны или окончание какого-либо периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, то есть конец идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы человеческого правления» [4, с. 4]. Подобная оценка подразумевала, что теперь уже весь мир без всякого принуждения последует американским стандартам. Подобные ожидания веками раньше были присущи идеологии евроцентризма, оправдывавшей высокими словами политику колонизации остального мира.

Поначалу события действительно пошли по фукуямовскому сценарию – в большом и малом, и особенно в России, которая в попытках как можно скорее перейти к принципам рыночной экономики пришла к разрушению того, что еще оставалось. Не лишены оснований предположения, что дефолт 1998 г. был результатом следования рецептам, предложенным нам американскими экономистами.

Еще более далеко идущие последствия имела экспансия зарубежной массовой культуры – в том виде, как она происходила. До сих пор люди старшего поколения недовольны тем, что убрали железный занавес. Уточним, однако: железный занавес не убрали, он рухнул, подобно тому, как рушится плотина или дамба под напором того, что к ней прибывало десятилетиями. Беда не в том, что занавес рухнул, а в том, что так долго просуществовал.

Нет сомнений, что культура России достаточно богата, чтобы отфильтровать, выбрать то, что ей подходит, и отбросить то, что с ней несовместимо, – в этом убеждают века российской социально-культурной истории, с такими вехами, как принятие православия, петровские реформы и т.д. Россия уверенно и последовательно избавляется от слепой оглядки на сторону. Пережив годы «холодного мира» и оказавшись вновь втянутой в холодную войну (назовем вещи своими именами), Россия не отгораживается больше от всего мира, не стремится к конфронтации, а ищет свой путь. Осмотрительнее становится и остальной мир, вкусивший в полной мере плоды разного цвета и запаха революций. Серьезно задумалась Европа, сталкиваясь с высокомерным пренебрежением американского «старшего брата».

Привычным образом выделяя в любых кризисах экономическую составляющую, мы упускаем из виду культурную основу любых кризисов. Те проблемы, которые испытывает сейчас Европа, напрямую связаны с ее своеобразной *культурной капитуляцией* [5, с. 110-121]. В гипертрофированной политкорректности европейцы остерегаются называть цвет кожи, национальность и даже пол, отказываются от рождественской елки и вообще упоминаний о Рождестве, снисходительны даже к преступлениям, совершаемым мигрантами. Получилось так, что поначалу Европа (Германия, Франция) сама приглашала мигрантов в качестве услуги, а теперь приглашенные относятся к европейцам как к обслуживаемым.

Отрадно, что Россия все же устояла, не сорвалась в культурную капитуляцию, даже в столь длительной и тяжелой переоценке ценностей сохранила свой стержень, свое лицо, политическое и культурное. Если сравнить место России на культурной карте мира сто лет назад, в начале XX века, и сейчас, в начале XXI, то можно с удовлетворением говорить о неуклонном восстановлении и упрочении ее культурного имиджа, культурного веса в мире. До сих пор, несмотря на досаднейшие допинговые скандалы, во всем мире вспоминают Олимпиаду в Сочи-14, да и далекую Олимпиаду-80 в Москве, весь мир с интересом следил за чемпионатом мира по футболу в России. Невиданного уровня достиг обмен художественными выставками, концертами классической, джазовой, рок-

музыки. Километровые очереди на парижскую выставку импрессионистов из Эрмитажа и ГМИИ им. Пушкина – свидетельство интереса не только к живописи, но и к России. Общаясь с людьми со всего мира, видя, что они такие же, как мы, мы проникаемся доверием и уважением друг к другу. Это и есть так называемая народная дипломатия, которая приносит не меньшие результаты, чем дипломатия официальная, а культура как мягкая сила оказывается даже более эффективной, чем сила военная.

Хочется надеяться, что в давно обещанных и давно разрабатываемых современных учебниках истории не меньше внимания будет уделено не только военным успехам (безусловно, великим и вдохновляющим), но и культурным, не менее значимым и в не меньшей мере способствующим воспитанию патриотизма. Начало этому положено. Российские инженеры принимают участие во многих крупнейших международных проектах, например таких, как адронный коллайдер, а полеты международных экипажей на МКС свидетельствуют о возможностях не только российской науки и техники, но и народной дипломатии.

Наконец мы начинаем избавляться от примитивных и, без преувеличения, разрушительных в стратегическом плане представлений об эффективности науки и образования, предполагающих сиюминутную материальную отдачу. Так, одним из награжденных в Кремле за научные успехи был молодой физик, специалист в области космологии, которая, возможно, и не даст результатов ее использования в ближайшее время. Показательно, что этот ученый сослался на пример Фарадея, чьи открытия в области электромагнетизма получили практическое применение чуть ли не сто лет спустя: можно ли сегодняшнюю жизнь представить без электричества? Точно так же один из немногочисленных наших нобелевских лауреатов Жорес Алферов, занимаясь исследованиями, легшими в основу сотовой связи, вряд ли тогда представлял масштабы использования своих результатов.

На рубеже девяностых и нулевых много внимания было уделено созданию новой *национальной идеи*, которая сплотила бы всех россиян, подобно тому, как это произошло в XIX веке с «тремя столпами» графа Уварова («православие, самодержавие, народность»), которые нечувствительно соединили в себе твердые и глубокие знания с глубоким убеждением и теплой верой в русские хранительные начала». В этот раз пока не получилось: национальная идея не может быть создана по заказу / приказу, а именно нечувствительно должна воплотить и выразить, сформулировать то, что естественно созрело.

Сейчас много говорят о патриотизме как национальной идее. Патриотизм – это не только сплоченность перед экономическими и политическими санкциями, это и ответственность, и готовность к развитию и приумножению своей культуры – в диалоге с другими культурами. Именно сохранение и развитие своей великой культуры, гордость и ответственность за нее могут и должны стать национальной идеей для России.

Еще в середине XX века философы-провидцы Пьер Тейяр де Шарден и Карл Ясперс предвидели, что на рубеже XX-XXI веков, в ситуации, наиболее богатой возможностями и опасностями, мир окажется перед развилкой – переход эволюции на уровень культуры, и тогда человечество сможет держать ее нити в своих руках, или же оно, расписавшись в собственной несостоятельности, обречет себя на гибель. Обсуждаемые здесь события и тренды дают основание считать, что Россия нащупала свой путь, более того, справившись со своими проблемами, она, возможно, подскажет путь запутавшемуся в противоречиях человечеству.

Литература

1. *Чаадаев П.Я.* Философические письма. Полное собрание сочинений и избранные письма. Москва, 1991. Т. 1.

2. *Блюменкранц М.А.* Любовь к истине. П.Я. Чаадаев в современном контексте // Вопросы философии. 2017. № 3. С. 135-141.

3. *Гульчинский Г.Л.* Чему еще научит российская революция: фактор П.Я. Чаадаева и политическая воля // Вопросы философии. 2018. № 3.

4. *Fukuyama F.* The End of History? National Interest. № 16 (summer). 1989. Pp. 3-16.

5. *Торосян В.Г.* Культурная капитуляция как симптом / причина / следствие заката Европы // Век глобализации. 2016. № 3.

References

1. *Chaadaev P.Ya.* Filosoficheskie pisma. Polnoe sobranie sochineniy i izbrannye pisma [Philosophical letters. Complete works and selected letters]. Moscow, 1991. V. 1.

2. *Blumenkranz M.A.* Love of truth. P.Ya. Chaadaev in the modern context // Voprosy filosofii. 2017. № 3. Pp. 135-141.

3. *Gulchinskiy G.L.* What else will teach the Russian revolution: a factor of P.Ya. Chaadaev and the political volition // Voprosy filosofii. 2018. № 3.

4. *Fukuyama F.* The End of History? National Interest. № 16 (summer). 1989. Pp. 3-16.

5. *Torosyan V.G.* Cultural capitulation as a symptom / cause / consequence of the decline of Europe // Vek globalizatsii. 2016. №. 3.